

М. Молния

Золотая сойка

18+

М. Молния

Золотая сойка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32542294

SelfPub; 2018

Аннотация

Робототехник Гиз Монкес получает протекционный перевод в секретную лабораторию военного ведомства. Там он заканчивает создание своего главного изобретения – кибернетического организма под названием "Золотая сойка". Этот проект – детище Монкеса – крадёт у него начальник лаборатории господин Кишер. На фоне переживаний и депрессии Монкес продаёт секретный проект "Сойки" третьему лицу и попадает в "оборот" влиятельных друзей, которые помогают ему свергнуть Кишера и стать начальником лаборатории. Руководствуясь личными амбициями и запуская в действие видоизменённый проект "Золотой сойки", Монкес сознательно обрекает мир на катастрофу.

Содержание

Часть I. Новое место, новая должность, новый оклад	4
Глава 1. Разговор в парке	4
Глава 2. Булочка Ми Сакера	10
Глава 3. Разбившийся сосуд	15
Глава 4. Столовая разборка	19
Глава 5. Пропавший сержант	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

М. Молния. Золотая сойка

Часть I. Новое место, новая должность, новый оклад

Глава 1. Разговор в парке

Начали они с прыжков через перекладину, закрепленную на высоте двух дюймов от земли, и постепенно добрались до одного фута.

Маргарет Митчелл «Унесённые ветром»

Акварельно-мягкое закатное небо медленно переливало свои дивные краски от розовых и перламутровых тонов на западе к глубоко-синим и лиловым на востоке. Уже проглянули первые крупные звезды; взошли серпы трёх серебристых лун; разбежались по земле, по кустам цветущих акаций, по каштанам и вязам гудронно-чёрные тени приближающейся ночи. Заискрились стволами серебристые буки, отражая белый свет приземистых фонарей и отблески редких освещённых окон окружающего парк здания.

По пустынной аллее шли двое. Первый – щуплый, но уверенный, с заложенными за спину руками, в дорогой белой тройке, – куратор отдела изобретений департамента безопас-

ности Квинтерры. Его спутник – рослый, угловатый, с трёхдневной щетиной, в замшевом пиджаке позапрошлосезонного покроя, молодой робототехник тридцать шестой лаборатории того же департамента.

– Дорогой Монкес, – говорил приторным тенором щуплый, обращаясь к своему рослому знакомому, – ваш проект крайне интересен и перспективен. Массовые нападения птичьих стай на поля, объекты хранения и переработки злаковых культур действительно невозможно идентифицировать как диверсионные атаки противника. В этом плане ваш робот пока вне конкуренции. Но у него есть существенный недостаток – дороговизна. Будет нужно произвести слишком много подобных изделий, чтобы необходимое число птичьих стай получило запрограммированных нами лидеров. В этом плане производство бактерии Кишера куда более выгодно, – он посмотрел на собеседника поверх позолоченной оправы своих квадратных очков, что только-только вошли в моду среди чиновников госаппарата. – К тому же, дорогой Монкес, – продолжил куратор, многозначительно глядя в глаза собеседнику, – не стоит забывать, кто есть господин Кишер и кем являетесь вы.

– Господин Сиупелли, но попытка использования бактерии Кишера – это самоубийство! Мы импортируем порядка тридцати процентов посевных злаковых культур ежесезонно. Так, через каких-то двенадцать-пятнадцать сезонов бактерией Кишера будут заражены все злаковые культуры на на-

шей территории, – горячо сказал Монкес.

– Безусловно, – растянул в широкой улыбке свои тонкие губы Сиупелли. – Безусловно, мой дорогой Монкес, вы проделали колоссальную сверхурочную работу. Но аналитический отдел департамента также всё просчитал, с учётом неизвестных вам данных. Риски минимальны. Через двенадцать сезонов нам не нужно будет закупать злаковые, потому что все злаковые будут только у нас. Наоборот, нам потребуется наращивать производство, на что департамент аграрной политики вскоре получит соответствующее распоряжение. Однако, Монкес, вы суёте нос в чужие дела, – перестал улыбаться Сиупелли, сдвигая прямые густые брови и складывая неодобрительную морщину над изящной переносицей, – поэтому, в связи с вашей чрезмерной осведомлённостью, департамент безопасности Квинтерры перенаправляет вас из тридцать шестой лаборатории в пятую, под руководство господина Кишера.

– Как?.. – буквально задохнулся Монкес, – Это значит, что «Золотая сойка» свёрнута?!

– Не совсем, – вновь улыбнулся Сиупелли. – Вы последнее время уделяли столь много внимания последствиям использования бактерии Кишера, что несколько недоработали вашу идею. В связи с этим «Золотая сойка» передаётся в проектный отдел пятой лаборатории. Вы опечалены? – искренне спросил Сиупелли, заглядывая в потерянное лицо Монкеса. – Напрасно. Многие ваши коллеги сочтут такой перевод

удачей, свалившейся с Небес, или протекцией очень влиятельных друзей. В любом случае господин Кишер – опытный руководитель, он сумеет наставить вас на путь истинный.

– Господин Сиупелли, пятая лаборатория занимается микробиологией, как же можно у них продолжать чисто робототехнический проект? – сделал последнюю попытку к сопротивлению Монкес.

– За те деньги, которые вам будут платить, можно всё, дорогой Монкес, – ласково произнёс куратор. – Завтра утром на вашем столе будут лежать подписанные мной приказ о вашем переводе, а так же приказ о передаче «Сойки» в пятую лабораторию. Помимо этого, вы получите ключи от частного дома в секторе R3C...

– Красный сектор! – не смог сдержать себя Монкес.

– Красный, дорогой друг, именно Красный, и по третьей ступени. Вы – многообещающий учёный. За безопасность таких людей мы несём отдельную ответственность, а так же и за их благосостояние. Что за жизнь у вас сейчас? Апартаментки на окраине для прислуги. В подворотнях – грязь, вонь, крысы. Еда из «Быстрожарки». Из развлечений – низкопробное кино в жанре «на килотонну». Порядочному человеку отдохнуть негде. Я же знаю, что вы опять ночевали на работе, дорогой Монкес, лишь бы не возвращаться в вашу трущобу и не видеть соседа со второго этажа, обещавшего свернуть вам шею за роман с его дочкой. Неужели прогрессивный специалист вашего уровня может прозябать в та-

ких условиях? В Красном же секторе вы будете избавлены от всего этого. Только подумайте: самый высокий уровень жизни, кухня класса «элит», театры, галереи, развлекательные шоу, лучшие пабы и самые лучшие... ну вы сами всё увидите, – сладко произнёс куратор и зевнул, прикрывая рот тонкой длинной ладонью. – Что же, пора. Уже совсем стемнело, а вы сегодня пока еще ночуете на вашей окраине. Может быть, выделить вам автомобиль?

– Нет, благодарю, господин Сиупелли, я и так вам многим обязан, – угрюмо произнёс Монкес.

– Перестаньте, – притворно засмеялся Сиупелли, – это просто моя работа. Ну, что же, если вы так хотите ехать городским автобусом – это ваше право. До завтра, дорогой Монкес, – весело произнёс он. – До завтра. Я лично загляну в пятую лабораторию, чтобы полюбопытствовать, как вы устроитесь на новом месте.

Монкес вытер о борт пиджака свою вспотевшую ладонь, осторожно пожал куратору протянутую в равноправном жесте тонкую кисть, повернулся и пошёл прочь по залитой серебряным светом трёх лун дорожке парка департамента безопасности Квинтерры.

Куратор какое-то время смотрел вслед удаляющемуся высокому угловатому силуэту, потом удовлетворённо вдохнул пряный воздух сезона благодати, поднёс к лицу руку с большим платиновым перстнем на среднем пальце и, едва коснувшись губами крупного рубина, тихо сказал в еле замет-

ные мембраны встроенного в украшение динамика:

– Господин Кишер... Да, благодарю, прекрасно... Да...
Да, с завтрашнего дня.

Глава 2. Булочка Ми Сакера

*В пшеничном хлебе 238 ккал на 100 г продукта.
Интернет-калькулятор калорий*

Автобус выплюнул Монкеса на перекрёстке Шестой аллеи Равноправия и Восемнадцатой улицы Свободолюбия, среди типовых трёхэтажных домов, точно напротив стеклянных витрин ресторана «Быстрожарка», в двух шагах от полицейского участка и в четырёх – от пожарной части. Спокойный довольный район.

Народа в «Быстрожарке» было как всегда: сидячие столики заняты, за стоячими – мест нет. Дворники, уборщицы, садовники, охранники, горничные, слесари, водители, курьеры – одним словом, все те, кто обслуживал и облизывал множественных чиновников госаппарата, и те, кто прислуживал слугам, и слуги тех слуг, и еще, и еще, и снова, за редким исключением, за столиками «Быстрожарки» аппетитно чавкал обслуживающий персонал. Кто по одному, кто по двое, с друзьями и жёнами, с мужьями и чадами, лоснящиеся от жира, обнимающие ляжками стулья, довольные свободные граждане – костяк и опора страны.

Монкес вышел из ресторанного заведения с большим бумажным пакетом. Из пакета аппетитно пахло горячими шкалетами, прожаренной во фритюре картошкой, острым ко-

неанским соусом и свежими булочками Ми Сакера. О, эти булочки Ми Сакера! Совершенные, несравненные, нежнейшие, мягчайшие, разрезанные пополам, проложенные сочными шкалетами, сдобренные волшебными травами, приправленные овощами, с золотистым мелким крапом семечек на спинках, идеальные по форме, эталонные по окрасу – настоящий породистый хлеб. Можно было прямо сейчас открыть пакет, извлечь из него аппетитнейшую булочку Ми Сакера и откусить вожаделенный кусочек, но Монкес не делал этого. Он не любил глотать на ходу. Для него «принять пищу» было понятием основательным, пропеченным со всех сторон, с румяной корочкой. «Поесть» значило посидеть в полном покое, упиваясь в гордом одиночестве вкусами и ароматами пищи, слизывая с измазанных пальцев острый конеанский соус, облизывая испачканные губы, вытирая кулаком подбородок, без всякого стеснения, без навязчивых взглядов и говора вокруг. Когда Монкес кушал – он только кушал, и даже «Золотая сойка» в такие моменты вспархивала и уносилась в самую чашу мозга. В детстве ему говорили, что процесс жевания тормозит процесс мышления. Монкес хорошо это усвоил и всегда разделял эти жизненно важные для него процессы, не соединяя их ни при каких обстоятельствах.

– Гиз, – из чёрной тени платана прямо навстречу Монкесу вышла девушка: упитанная, круглолицая шалунья с аппетитными окорочками под коротенькой юбочкой, открыты-

ми пухленькими «крылышками» и молочной шейкой – такой шейкой, которая столь величественно перетекает в роскошный бюст, что невольно тянет за собой в глубокую тайну обширного декольте.

– Рива! – вздрогнул от неожиданности Монкес.

– А я думала, ты опять будешь ночевать на работе, – прильнула к его груди девушка.

– Рива, послушай, – попытался высвободиться из её объятий Монкес, – твой папаша крайне недоволен нашими встречами.

– И что? – спросила Рива, прижимаясь еще сильнее и проводя руками по широкой спине Монкеса. – Я уже совершеннолетняя.

– А то, что он обещал свернуть мне шею, а она мне как бы нужна, на ней голова крепится, – ответил Монкес, но уже не сопротивляясь, а утыкаясь носом в копну рыжих обольстительных волос, отливающих в свете эмблемы «Быстрожарки» бесовски-красным отсветом.

От них пахло так же вождеденно, как из бумажного пакета. И вся она – Рива – была столь аппетитна, столь горяча и ароматна, что невозможно было сдержаться и хотелось немедленно выхватить её из тряпичной обёртки и с упоением насладиться этим роскошным мягким телом, с рассыпанными по нему золотистыми семечками веснушек.

– Отец сегодня на дежурстве, а мать еще не вернулась, – сказала Рива и потёрлась о небритую щёку Монкеса. – Я так

скачала. Почему ты столько дней не уходил с работы?

– Да... дела были, – промямлил Монкес, проводя свободной рукой по мягкой ягодице своей подруги, спускаясь по ткани вниз и внезапно натыкаясь на обнажённое бедро. – Дела, – повторил он неосознанно, двигаясь рукой вверх, под подол короткой юбки.

– Какие дела? – глубоко задышала Рива, туго зажимая ворот пиджака Монкеса. – Может, расскажешь мне?

Он не ответил, крепко обхватил её за обширную талию и повёл в подъезд трёхэтажного кирпичного дома, на самый верх, в свои меблированные апартаменты, где предстояло ночевать последний раз.

На пороге он замешкался. Подлые ключи провалились в подкладку старого пиджака через дыру в кармане. Рива ловкими розовыми пальчиками забегала по низу пиджака, зажала ключи, обхватила Монкеса, запуская руку в карман с дырой, прильнула своими губами к его губам и через долгий поцелуй извлекла из кармана ключи.

– Открывай, открывай, открывай, – облизывался и пускал слюни Монкес.

– Погоди, тут еще что-то, – шаловливо прошептала она, прилипая вновь к его рту.

– Рива... – зажмурился блаженством нетерпения Монкес.

– Что это? – помахала Рива перед его носом небольшой сложенной бумажкой.

– Не знаю. Дай мне ключи!

– Не дам, – упорхнула от него по лестничной площадке дородная бабочка. – Так, что тут? – развернула она листок.

Похотливость и озорство слетели с её лица, как слетает кирпич с края стройплощадки, падая на бетонные плиты внизу и разбиваясь в пыль терракотовых осколков.

– Что там? – испугался Монкес и сунулся в листок, протянутый ему дрожащей рукой.

«Монкес, я тебя удавлю, паршивый лизоблюд».

Подписи не было.

Монкес ничего не сумел сказать. Он только растерянно смотрел на перепуганную Риву, хлопал глазами и ртом, как задыхающаяся рыба, и медленно отступал к двери в апартаменты.

Глава 3. Разбившийся сосуд

Том ушёл домой совсем несчастный, и сны, которые он видел в ту ночь, были полны всяких ужасов.

Марк Твен «Приключения Тома Сойера»

– Рива, иди сюда! – капризно потребовал Монкес, стирая со лба выступивший от нервного напряжения пот.

– Гиз, я боюсь. Давай позвоним в полицию.

Она, бледная, стояла посередине спальни между большой неубранной постелью и стеклянным столиком, на который был брошен забытый пакет из «Быстрожарки». Нервно тебила в руках телефон, кусала губы, накручивала на палец рыжую прядь волос, а то вдруг порывалась ходить по комнате из угла в угол и бубнить нечто невразумительное.

– Зачем звонить в полицию? – простонал он, откидываясь на постели на спину и вытягивая вверх руки.

– Ты получил записку с угрозой. Этого достаточно! – Рива смотрела на него чёрными от ужаса глазами, крылышки её курносого носа дрожали, а на щеках, покрытых красными пятнами от недавних рыданий, едва сдерживались мышцы, чтобы не искривиться от нового приступа слёз.

– Рива, это чья-то шутка, – Монкес рывком поднялся с постели.

– Так не шутят, – твёрдо сказала Рива. – За такие шутки

нужно платить!

– Птичка моя, – схватил её за плечи Монкес, развернул к себе, крепко обнял, завозил потными ладонями по спине, бокам, бёдрам подруги. – Рива, я получил сегодня перевод. Понимаешь? Я получил перевод в другую лабораторию. Кто-то из моих злопыхателей прознал это раньше и решил таким образом высказать своё мнение.

– Перевод? – отстранилась от него Рива, всверливаясь испуганным взглядом в его замасленные желанием глазки.

– Да. С завтрашнего дня я буду работать у Кишера.

– У Кишера?! – не поверила она.

– Да, Рива, да! Знаешь, я сам, когда узнал, расстроился поначалу, – он вновь переложил руки на её пухлые плечи, заглянул в перепуганное, осунувшееся лицо. – Понимаешь, Кишер – микробиолог, я сперва подумал, что меня переводят к нему, чтобы свернуть «Сойку», но пока ехал домой – думал и теперь понимаю: это мой шанс. Моя судьба, фортуна! – он слегка тряхнул подругу за плечи. – Понимаешь? Вместе с Кишером мы доведём мой проект до такого совершенства, что... что... Ах, ты даже не представляешь! – Монкес сладострастно прижал Риву к себе. – Ты не представляешь, – продолжал бормотать он, зарываясь носом в её волосы.

Рива стояла неподвижно, отрешённо, позволяя делать с собой всё что угодно. Её не было здесь. Ей казалось – она стоит на краю бездонной пропасти и смотрит, как уносит-

ся вниз и исчезает в тумане хрустальный сосуд её мечтаний. Она трепетно ждала услышать звон разлетающихся о камни осколков, но не слышала, и мимо мелькало время, один сезон сменялся другим, а сосуд всё не достигал дна.

– Птичка моя, Рива, девочка, ты знаешь, какие это перспективы? У меня будут деньги, намного больше чем сейчас, намного. Будет команда, с которой приятно работать, а не это тупое быдло завистников и сплетников. Будет свой дом. Мне уже пообещали. Да, частный дом в Красном секторе.

Рива охнула и поползла из его рук.

– Ты что? Что с тобой? – испугался Монкес, опускаясь вместе с ней на пол.

– Когда ты переезжаешь? – глухо спросила она, глядя в пространство.

– Завтра, – ответил он, нежно беря её за подбородок и поворачивая личиком к себе.

Она внезапно вскочила, сверкнула глазами и выбежала вон.

– Рива! – кинулся он вслед.

Она слетела по лестнице, ворвалась в свою дверь, защелкнула замок, а потом осела на пол в темной прихожей и зарыдала – она услышала звон из глубины пропасти.

Монкес непонимающе топтался на лестничной площадке, скулил, скрёбся, рычал под дверью, но Рива так и не открыла.

– Ну и сиди там, дура! – наконец выкрикнул он, одёрнул пиджак, одним движением пригладил густые чёрные волосы

и зашагал по лестнице наверх.

Еще никогда в своей жизни он не ел с чувством такого отвращения, такой гадливости к тому, что предстояло съесть. Холодные шкалеты казались тухлыми, жареный картофель разил прогорклым маслом, на булочках Ми Сакера проступал зеленоватый налёт плесени. Конечно, всего этого не было. Это была лишь игра его расстроенного воображения, но конеанский соус был настолько омерзителен, что лицо невольно скорчилось в гримасу, а рука сама швырнула обратно в пакет кусок картофеля фри, густо вымазанного соусом. Он утёр кулаком губы и открыл колпачок на крышке стакана-непроливайки. Кофе был – дрянь. Монкес смахнул несъедобную пищу со стеклянного столика в пакет, смял и со злостью зашвырнул большой бумажный шар через всю спальню в кухню.

Он повалился на постель, прикрыл глаза рукой от яркого света люстры, полежал так, потом поднялся, разделся, бросив вещи на пол, щелкнул клавишей выключателя, на ощупь вернулся к постели и лёг.

Через мгновение он спал.

Глава 4. Столовая разборка

Джордж зашёл на пустырь и второпях упал в кучу хлама.

Шервуд Андерсон «Прозрение»

Бумаги на столе валялись точно так же, как он их оставил. Ни одного нового бланка с оттиском кривоклювой хищной бестии в обрамлении небесных светил – двойного солнца и трёх лун – на столе не было. Монкес не верил. Господин Сиупелли вчера сказал, что приказы будут здесь, на рабочем месте, подписанные лично его уверенной чёткой подписью, – но их не было.

Монкес перевероршил бумаги. Нет, приказов не было. Он тяжело опустился на стул. Посидел, подпирая руками крупный подбородок, потёр виски, провёл по высокому мощному лбу; скорее всего – просто рано. Рабочий день еще не начался. Скоро, совсем скоро господин Сиупелли подпишет бумаги. Он вызовет курьера. Тот заберёт пакет, толкнёт тяжёлую полированную дверь, пройдет по ковровой дорожке секретарской, выйдет в длинный, еще пахнувший краской после недавнего ремонта, коридор. Затем спустится на спецлифте, минует обширный холл с чёрным барельефом хищной твари, попирающей острыми когтями извивающегося у её ног монстра. Выйдет в большой тенистый парк внутреннего двора Квинтерры, где вчера Монкес беседовал с Сиупелли. Войдёт

в стеклянные двери Белого блока, запутается в коридорах. Наконец найдёт тридцать шестую лабораторию на восьмом этаже. Здесь он застопорится, поозирается, пройдёт в кабинет к начальнику – полковнику Ро Гару по прозвищу Бульдозер. И только тогда, ознакомившись с приказами, сам Ро Гар выйдет в огромный зал со стеклянными кабинками персональных рабочих мест, пройдёт на другой конец и молча, с отвалившейся челюстью, с полным непониманием происходящего в своих выпуклых наружу «фарах», положит на стол штатского робототехника Гиза Монкеса вожаемые бланки. На развитие подобного действия уйдёт прилично времени. А пока – рано. Да, сейчас еще просто рано. Нужно ждать.

Монкес взял верхний, испещрённый вдоль и поперёк цифрами и несвязными словами листок – абракадабру нужных и совершенно взятых с потолка записей, набросков схем, зарисовок, в которых мог разобраться только он. Достал чистый лист, переписал на него вразнобой несколько чисел, а старый лист бросил на пол. То время, которое курьер будет двигаться от кабинета господина Сиупелли до кабинета Ро Гара, вполне можно было использовать для разборки стола, ибо негоже оставлять что-либо на старом рабочем месте, когда переходишь в отдел с «красным» уровнем секретности.

Бумаги одна за другой летели на пол. Отдельные складывались в аккуратную стопку. Совсем незначительные рвались. Бесмысленные записки от сослуживцев типа «Вся за-

висть Стумпа от импотенции» отправлялись в мусорную корзину в первоначальном состоянии. Монкес сосредоточенно наводил порядок. Очередь дошла до коробки с тонкими шестигранными призмами – хранителями и носителями виртуальной версии «Золотой сойки». Монкес хотел было вставить ключ-память в компьютер, но передумал. Отобрал из коробки только ему одному ведомые носители информации, завернул их в бумагу и положил поверх стопки листов, готовых к переселению в пятую лабораторию. Осталась самая неприятная часть процедуры: вызвать уничтожителя – представителя внутренней службы безопасности, отвечающего за корректную утилизацию документов. Монкес сгрёб ногой раскиданные по полу бумаги, вышел из стеклянной комнатки и направился в кабинет начальника Ро Гара по прозвищу Бульдозер для получения разрешения на требуемую по уставу процедуру.

– Господин Гар, – заглянул в кабинет Монкес.

Полковник поднял на него свою ковшовую харю и устремил бесцветные, словно потушенные фары, глаза не на Монкеса, а куда-то сквозь него. Он почавкал мясистыми губами, потёр кустистые брови и соизволил спросить:

– Ты, Монкес, чем с утра занимаешься?

– Исполняю третье положение предписания о корректной утилизации документов. Произвёл разбор черновых данных по вверенным мне проектам. Подготовил ненужные бумаги к утилизации, – отрапортовал Монкес.

Бульдозер недовольно поморщился, поклокотал внутри старым маслом, рыгнул и неожиданно улыбнулся:

– Значит, подготовил черновики к уничтожению? – неприятно-ласково спросил он.

– Так точно.

– А ну, не язвить! – гаркнул Бульдозер. – Будет мне тут всякая шваль гражданская по уставу отвечать?

Господин полковник Ро Гар по прозвищу Бульдозер очень чётко разграничивал между собой сотрудников Квинтерры на «своих», имеющих воинские звания, и «шваль» – людей гражданских, а стало быть ненадёжных. К первым он относился по всем правилам армейской субординации, однако не забывая предоставлять им некие льготы и всевозможные мелкие поощрения, особенно если военный чин носил юбку, и чем короче была эта юбка, тем больше поблажек получала её обладательница. Что же касается вторых – гражданских, то тут Ро Гар проявлял порой излишнюю строгость: часто штрафовал и, будь его воля, вкатывал бы каждому по десять суток гауптвахты за провинности. Одной из главных провинностей гражданских, работающих бок о бок с военными, он считал ответы по уставу – привилегию сугубо армейскую, – поэтому приравнивал подобные выпады фактически к богохульству и карал по всей строгости.

– «Хоревый клапан» сдал? – рывкнул он на Монкеса, багровея от негодования. – Где расчёты дешифратора «Константинопольской осы»? А?! Что молчишь?

Монкес вытянулся в струнку, виновато хлопая глазами и никак не находя в себе сил дать отпор Ро Гару. Его рот не открывался сообщить, что «Хоревый клапан» сдан Стумпу – заместителю Ро Гара – еще на прошлой неделе, а дешифратор под кодовым названием «Конеанская оса» Ро Гар сам велел отложить и заняться поиском ошибки в работе-миньере, который на последних испытаниях никак не мог сладить со своим манипулятором и замкнул не те провода, чем навлек на начальника тридцать шестой лаборатории гнев более высоких чинов. После случая на полигоне штраф вкатили всем сотрудникам тридцать шестой, но сейчас Монкес предчувствовал, что получит финансовое наказание еще и в индивидуальном порядке, и от заработной платы этого месяца у него останется купированный хвост.

– Где расчёты дешифратора, я тебя спрашиваю? – ревел Бульдозер, поднявшись с места во весь свой рост и потрясая кулаками в воздухе. – Где?!

– Вы сами велели отложить расчёты, – наконец выдавил из себя Монкес и ощутил, как от самых пяток к затылку побежали холодные мурашки.

– Что?! – вылупил свои «фары» Бульдозер. – Так ты их отложил?!

– Но вы сами сказали... – попытался защититься Монкес.

– Та-ак... – Бульдозер медленно опустился в кресло, а Монкес от этого «так» лишился дара речи окончательно. – Значит, я велел тебе отложить расчёты дешифратора? Ага.

Хорошо. Вот мы их и отложим, вместе с твоей зарплатой. Гиз Монкес, – изрёк он тяжёлым безапелляционным тоном, – немедленно передать все данные по дешифратору Дин Кольри – в том виде, в каком они у вас есть. За невыполнение данной работы на вас налагается штраф в размере двадцати пяти процентов ставки и объявляется выговор с занесением в ваше личное дело. А теперь – вон. Вон! – вскочил Бульдозер, тыча пальцем в стеклянную дверь.

Монкес вылетел из кабинета, глотнул воздуха, обернулся, увидел через стекло багрового Ро Гара и под любопытными взглядами сослуживцев бросился прочь из лаборатории.

Глава 5. Пропавший сержант

*Будь вежлив с каждым. Никогда неизвестно,
кто попадёт в число присяжных.*

Американская поговорка

Цилиндрическая сушилка для рук с грохотом слетела со стены, звезданулась на кафельный пол и покатила по нему под писсуары, заставив шарахнуть и замереть всех присутствующих в туалетной комнате.

– Сволочь! Тварь, тварь, тварь! – Монкес кулаком разбил плитку на стене, отбил руку, закрутился вокруг своей оси, зажимая пронизываемую болью кисть. – Тварь! – выдохнул он последний раз, успокаиваясь и опираясь всем весом на серый каменный стол с рядом раковин.

Он открыл воду, подставил отбитую, дрожащую от боли кисть под холодную струю, постоял так, набрал полные ладони и умылся, забрызгивая одежду каплями воды.

«Тварь!» – подумал он, глядя на себя в зеркало.

Ему захотелось вмазать зеркалу точно в нос, словно это было не отражение его собственного прямого носа, а приплюснутая, побитая нематодой картофелина Ро Гара, но тут в зеркале отразилось яркое красное пятно, и Монкес круто развернулся. Он не увидел ни кто стоит вокруг, ни что происходит. Он видел только это пятно – горящую алую бесстию в ореоле из всех пяти светил, оттиснутую на поверхно-

сти чёрной кожаной папки в руках испуганного сержантика. Сержантик попятился, когда Монкес мельком взглянул ему в глаза, но совладал с собой и осторожно спросил:

– Вам плохо? Может быть, нужна помощь?

– Нет, спасибо, – перекошил своё лицо злорадной ухмылкой Монкес, когда суть вопроса дошла до его сосредоточенного на красной бестии сознания. – Вы мне уже помогли, сержант. Вы мне очень помогли! – поднял он взгляд на сержанта, неожиданно расхохотался, хлопнул курьера по плечу, прошёл сквозь расступившихся зрителей и вышел в коридор, желая побыстрее увидеть, как перекошится рыло Бульдозера, когда чёрная папка из рук этого сержантика ляжет на стол полковника.

Монкес, ловко лавируя между людьми, промчался через длинный ярко освещённый коридор с рядами белых дверей по обеим сторонам, приостановился на секунду перед дверью в тридцать шестую лабораторию, подтянул рукава рубашки, одёрнул пиджак, пригладил волосы и взялся за ручку.

В лаборатории было тихо. Через стёкла кабинок рабочих мест было прекрасно видно, как все сотрудники корпят над своими проектами, упёрто глядя в компьютеры, делая пометки на бумаге и исподтишка глаза на получившего нагоняй Монкеса. Он, гордо подняв голову, проследовал к своей кабинке, вошёл, мельком одарив презрительной улыбкой соседей, и уселся в кресло так, чтобы видеть кабинет Ро Гара.

Компьютер дал тихий сигнал. Монкес открыл монитор и

прочёл: «Бульдозер икру мечет? За что попало?» Спрашивал Дью Хартнио – приятель Монкеса и единственный сотрудник тридцать шестой лаборатории, которого Монкес считал еще не конченным идиотом.

«За «Конеанскую осу», – написал Монкес, поглядывая на дверь и ожидая с мгновения на мгновение появления сержантика с чёрной папкой.

«Так «Осу» же в долгий ящик убрали», – сообщил Дью Хартнио, словно Монкес не знал этого.

«Я в курсе», – ответил Монкес.

«Тогда в чём проблема?»

«В том, что я не сделал дешифратор».

«И-и! – многозначительно высказал свои соболезнования Дью и чисто по-дружески предложил: – Наплюй, Гиз. Старому козлу моча вместе с горшком в голову вдарила, а ты попал под струю».

«Я уже наплевал. Еще на двадцать пять процентов своего заработка», – отозвался Монкес.

«Ого! Круто он тебя...» – высказался нелестно о начальнике Дью.

«Ничего, – усмехнулся Монкес, – справедливость скоро восторжествует».

Ро Гар в своём стеклянном кабинете поднялся из-за стола. Прошёлся, разминая затёкшую от сидения спину. Осторожно, по-стариковски, присел пару раз на корточки, вытягивая вперёд подрагивающие руки. Потом постоял у окна,

попялился в узкую пропасть внутренней галереи между Белым и Синим корпусами Квинтерры. Вновь сел за стол, взял засветившийся вызовом телефон и поднёс к уху. Его лицо мгновенно вытянулось – значит, говорит с высоким чином. Побагровело – значит, слышит нечто неприятное. Вперился в Монкеса – значит, разговор о нём. Гиз ткнулся в компьютер, делая вид, что работает. Он украдкой вновь глянул на Ро Гара – тот, не отрываясь от разговора, поднял руку и поманил Монкеса к себе. Взгляд у Бульдозера был свинцовый, следовательно, ожидать хорошего не стоило. Куда же подевался курьер с чёрной папкой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.